

му, что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais, для предложеннаго свиданія.. Ха! ха! ха! Какъ Любинька смѣшна была вчера. Начинаетъ мнѣ говорить про этого Заруцкаго и про его желаніе съ такой важностью comme si c'était une affaire d'état!.. ха! ха! ха! ха! Бѣдненькая, начиталась романовъ и скоро съ ума сойдетъ—она судитъ цѣлый свѣтъ по себѣ... на примѣръ, нынче всю ночь проплакала; вѣрно, ей кто-нибудь комплиментъ сказалъ, и она воображаетъ, что въ нее влюблены... и плачетъ съ сожалѣніемъ! нѣтъ, moi, je me moque de tout cela! Вотъ ужъ вѣрно нынче будетъ страстное объясненіе: онъ упадетъ на колѣни, я ему скажу маленькій equivoque—и онъ долженъ быть доволенъ... чего же ему еще больше?.. Впрочемъ, этотъ Заруцкій вѣрно посѣщалъ большой свѣтъ, онъ ни-мало не похожъ на этихъ армейскихъ, его собратій... ха! ха! ха! армейскій! одно это слово чего стоитъ?.. Но кто-то идетъ, а мнѣ нужно нынче быть одной. (Уходитъ).

Явленіе II.

Юрій и Василій Михалычъ идутъ по галлерей, и Василій Михалычъ что-то ему говоритъ, вѣда за руку.

Василій Мих.—Экой ты упрямый человекъ—да выслушай только, что я тебѣ говорю. Твой отецъ нынче со мной приходитъ къ Марей Ивановѣ; она насъ хорошо привязала; а у нея стояла эта змѣя, Дарья, причина всѣхъ нашихъ неприятностей... вотъ, слушай, братъ и начинаетъ говорить...

Юрій (отходя прочь):—И мнѣ нѣтъ споконствія ни одной минуты... эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжитъ каждый день вокругъ ушей моихъ... (къ дядѣ). Дяденька! въ другое время... теперь я..

Василій Мих.—Да, теперь, а не въ другое время; слушай: ты долженъ это все знать, чтобы умѣть цѣнить людей, окружающихъ тебя.

Юрій:—Я только цѣню тѣхъ, которые не мучаютъ меня вѣчно своими клеветами..

Василій Мих.—Я понимаю, что ты это на мой счетъ говоришь, но я не сержусь.. не для себя я говорю.. но хочу тебѣ показать, кто твой отецъ и бабка.

Юрій (твердо):—Ну, такъ и быть, я слушаю.

Василій Мих.—Во-первыхъ, твой отецъ началъ говорить ей о тебѣ, о твоёмъ отъздѣ.. она расханыжилась по обыкновенію, увѣрила, что она тебя больше любитъ, нежели онъ, вообрази! Потомъ онъ ей сталъ представлять доказательства противныя очень учтиво; она вздумала доказывать, что ему и дѣла нѣтъ до тебя; тутъ Николай Михалычъ не выдержалъ, признаться: объяснилъ ей коротко, что она передъ нимъ виновата,

а что онъ не обязанъ былъ тебя оставлять у нея, но что были у него причины постороннія и что она измѣнила своему слову.. Она взбѣсилась до невозможности, ушла, теперь она насъ выгонитъ изъ дому... Прощай, мой племянничекъ, на-долго, потому что вѣрно ни я, ни братъ больше сюда не заглянутъ.

Юрій (всплеснувъ руками):—Всемогущій Боже! Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратить эти распри.. зачѣмъ же все это рушится на голову мою? Я здѣсь какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею.. Дядюшка, оставьте меня, прошу васъ, я измученъ..

Василій Мих.—Нѣтъ.. ты долженъ рѣшиться въ чью-нибудь пользу.

Юрій:—На что?.. Къ чему я долженъ? Кто приказалъ?

Василій Мих.—Честь.

Юрій:—Честь? Кто вамъ внушилъ это слово!.. О, адская хитрость.. какъ ничтожно это слово, а какъ много власти имѣеть оно надо мной.. мой долгъ, долгъ природы и благодарности: въ какой вы ужасной борьбѣ между собою.. Дядюшка! зачѣмъ вы произнесли это слово: я рѣшился..

Василій Мих.—Для кого, другъ мой?

Юрій:—Отецъ обладаетъ моею жизнью.. но знайте, что если бабушка будетъ упорять въ неблагодарности, если она станетъ показывать глазамъ моимъ всѣ свои пощечины о моей юности, всѣ свои благодарнія, все, чѣмъ я ей обязанъ, если она будетъ проклинать меня за то, что я отравилъ ея старость, сжегъ огнемъ терзаній сѣдые ея волосы, за то, что я оставилъ ее безъ причины, если, наконецъ, я самъ иссохну отъ раскаянія, если я буду отвергнуть за это преступленіе небожь и землю, если тогда я прокляну васъ отчаяннымъ языкомъ моимъ... если... о, берегитесь, берегитесь!.. вся свинцовая тяжесть грѣха сего падетъ на васъ... Откажитесь отъ вашего свидѣтельства, оно ложно—спасите свою душу! Оно ложно, говорю вамъ... признайтесь, что вы солгали..

Василій Мих.—Нѣтъ, я не откажусь, когда я самъ видѣлъ и слышалъ, что насъ съ братомъ выгоняютъ изъ дому.

Юрій:—Итакъ, все кончено—вотъ мое слово.

Василій Мих.—Ну, слава Богу, наконецъ ты рѣшился.. Я пойду къ отцу твоему и объявлю, что ты рѣшился не оставлять его. Какъ онъ будетъ радъ, и я увѣренъ, что тебя больше прежняго полюбитъ.

Юрій:—Радоваться? Кто радоваться?.. Мой отецъ! Не дай Богъ, чтобы это была большая радость въ его жизни... Что онъ бу-